

Т. Г. Трофимович (Минск)

ОТ ПОНЯТИЙНЫХ КАТЕГОРИЙ К ЯЗЫКОВЫМ: РОД СТАРОРУССКИХ ПРЕДМЕТНЫХ ИМЕН

Известно, что род, являясь грамматической категорией различных частей речи, относится к наиболее характерным признакам имен существительных. Он считается пережиточной, «палеонтологической» (А. Мейе, К. Уленбек) категорией, уходящей корнями в особенности древнего мифологического мышления. Некогда обусловленная этим мышлением родовая принадлежность возникавших имен-субстантивов оказалась постепенно у их подавляющего большинства (кроме названий лиц и животных) немотивированной, бесодержательной, относящейся к области языковой техники. Все эти обстоятельства, тем не менее, дают основания считать, что «грамматическая категория рода может быть источником тонких семантических эффектов» (В. В. Виноградов), становиться средством экспликации познавательной деятельности носителей языка в процессах номинативной деривации. Родовая принадлежность возникающего наименования-существительного определяется в результате сложных речемыслительных действий, обусловленных закономерностями представления в языке знаний его носителей об окружающей действительности.

Язык старорусской деловой письменности и зафиксированная им система предметных наименований позволяют провести некоторые наблюдения над тем, как связаны между собой понятийные категории и языковые.

Достаточно многочисленной является группа конденсатов агентивного типа, называющих различные пошлины, платы, штрафы и т. п. В качестве базовых имен в соответствующих неоднословных наименованиях могли использоваться слова *деньги, дань, пошлина, плата, корм, оброк, сбор* и некоторые другие. Однако возникавшие конденсаты были, как правило, среднего рода: *важенное, весчее, влазное, вчинное, въездное, выводное, выпускное, грабежное, заслуженное, записное, згонное, закосное, закраденое, караульное, мировое, мимоходное, меновое, опасное, отхожее, отъезжее, печатное, писчее, подоральное, привозное, привязное, приданое, приказное, прикладное, переводное, перепоручное, поварское, поводное, перебылое, перевозное, померное, помочное, порядное, постоялое, постоянное, перекладное, проводное, проезжее, проездное, пропла-*

ное, пропускное, причальное, рядовое, сговорное, свальное. Эти и другие наименования особенно часто встречаются в так называемых иммунитетных грамотах, содержащих описание пожалованных привилегий и прав. Например: *Пожаловал есмы тех сирот: не надобе им никоторая дань, ни ям, ни под подвода, ни тамга ... ни сторожевое, ни писчее, ни медовое* (Жал. тарх 1362 г.). *Не надобе пошлины: портное да объезжее, да коневое* (Обельная 1455 г.).

В известном смысле исключительно появление конденсатов именно среднего рода вопреки типичному сохранению родовой принадлежности базового имени. Мы полагаем, что идея *имущества* (имения) объединила в номинативном сознании все виды пошлин, плат, оброков и т. п. (Ср. у В. И. Даля: *именье – владенье, состояние того, кто имеет; то, что кто-либо имеет, достаток, собственность, собина, состоянье*).

Среди номинативных единиц посессивного типа выделяется группа слов, называющих лиц женского пола. В сфере названий лиц вообще мало имен лица женского пола. Чаще всего это термины родства (*мать, дочь, сестра, вдова, невеста, падчерица, свекровь, жена*) или названия лиц по сословно-имущественному признаку (*царица, княгиня, госпожа, раба, девка, наложница*). Очевидно, что объектом и субъектом права мыслился прежде всего мужчина, женщина же не занимала сколько-нибудь заметного положения в большинстве сфер жизни. Именно поэтому преобладание наименований лиц мужского пола в номинациях лиц следует отнести к особенностям делового языка.

Посессивный признак становился значимым при наименовании небольшой части лиц женского пола, называвших чьих-то жен. Названия возникали по схеме *X – это жена кого, чья*. В памятниках деловой письменности такие единицы встречались редко. ООП *по принадлежности* более определенно может быть квалифицирован как КОП *по принадлежности мужчине*. В качестве ономаσιологических базисов использовались различные суффиксы: *-их-а* (*бобылиха, купчиха, мельничиха, дьячиха, посадничиха*), *-ын-я/-ин-а* (*боярыня, государыня, воеводина, дядина*), *-иц-а* (*дьячица, лекарица, пономарица, потица*). Особым способом называния жены являются конструкции, в которых присутствуют универбы, дублирующие сочетаниями слова *жена* с притяжательными прилагательными, образованными от фамилии, имени мужа. Например: *Июля в 12 день*

по лекарице Ульяне по Константиновской жене пожаловал государь царь и великий князь... (ВКТСМ, 926 об.); Пономарица Дарья Обросимовская жена дала вкладу 10 рублей денег (ВКТСМ, 882).

Упомянутый формант *-их-а*, как известно, в русском языке прошлого и настоящего образовывал существительные с модификационным значением женскости. Их слабая представленность в старорусском деловом языке и в русском языке XI–XVII вв. определена малой социальной ролью женщин как представительниц определенных профессий (*ткачиха, повариха, лекариха* и т. п.) и как чьих-то жен (*городничиха, целовальничиха, посадничиха* и т. п.). «Русская грамматика» (1980) приводит всего 10 названий жен (*купчиха, пономариха, полковничиха, урядничиха, городничиха, стрельчиха, мельничиха, старостиha, бобылиha, скопчиха*), указывая, что все они устаревшие. В «Обратном словаре русского языка» их порядка четырех десятков, причем почти половина по логике вещей могла бы быть представлена в языке XI–XVII вв. (*бондариха, дьячиха, кузнечиха, писариха, посадничиха, приказничиха, сотничиха, целовальничиха, сидельчиха, становиха, сапожничиха* и т. д.). Есть основания считать, что в старорусской речи таких единиц было больше, чем зафиксировано в памятниках письменности.

Существование наименований женщин, восходящих к имени или прозвищу их мужей, указывает еще на один путь реализации посессивных отношений, а также свидетельствует о распределении социальных ролей между женщиной и мужчиной. Автору данного исследования известно, что в народной речи белорусов активно использовались и продолжают использоваться неофициальные антропонимы, когда женщин, жен называют по имени или прозвищу мужчин, мужей: *Ящиха* (муж Яков, Яшка), *Иваниха, Семениха, Петрачиха* (муж Петр, Пётра), *Зуиха* (прозвище мужа Зуя), *Голубиха* (фамилия мужа Голуб), *Штеериха* (фамилия мужа Штеер) и им подобные. Приведенные нами неофициальные антропонимы, отмеченные в деревне Бельчица Полоцкого района Витебской области, подтверждаются другими исследователями. Такие антропонимы возникли с привлечением посессивного признака. Симптоматично, что суффикс *-их-* выступал в качестве деривационного средства в наименованиях самок животных, апеллятивных названиях жен, поэтому его использование в единицах типа *Лявониha* продолжает уже намеченную логику именования.

Объем настоящей публикации не позволяет привести все наблюдения над особенностями оформления родовой принадлежности предметных имен в процессе старорусской номинативной деривации. Ограничимся поэтому краткими выводами.

1. Язык деловой письменности в сфере *nomina personae* востребовал чаще всего имена-субстантивы мужского рода, выражая таким образом ярче идею лица, чем идею пола.

2. Последовательный паритет форм мужского и женского рода наблюдается только в наименованиях кровного и свойственного родства. Эта группа названий отражает также особенности социального устройства общества, социальные и имущественные приоритеты.

3. В явлениях семантической конденсации родовая принадлежность возникшего имени определялась, как правило, родовой принадлежностью базового компонента исходного словосочетания. Со временем такая связь могла стираться.

4. В старорусский период роль языковой техники в установлении рода возникшего наименования-существительного велика, хотя отражение реальных половых различий живых существ продолжает оставаться значимым.